

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАЙКО ЖИНЗИФОВА

Под воздействием русской прогрессивной литературы и общественной мысли Райко Жинзифов мечтал о том времени, когда взойдет „звезда пленительного счастья“ (Пушкин, „К Чаадаеву“). Вера нашего поэта в то, что действительно наступит новое время, так сильна, что она тянется красной нитью почти через всю его поэзию. Эта глубокая уверенность еще раз прозвучала в стихотворении „Доба“ („Время“):

к'е дойдит доба, к'е дойдит доба,
И тая доба не ет далеко,
Да се исполнит народна молба,
Желание горещо, ак' и не леко.

Патриотический, революционный голос поэта прозвучал в кратком стихотворении с очень характерным названием „Недопеяна песня“ („Неоконченная песня“, 1864). В нем погущественно звучат слова уже идейно более уравновешенного человека и патриота. Стихотворение является личной исповедью поэта, объяснением его безмерной любви к народу. Жинзифов, путь которого был сложен, приходит к правильным заключениям. Он отбросил (явно под воздействием русской революционно-демократической литературы и печати) свои религиозные предрассудки. Развитие его сознания от идеализма к революционному пониманию общественного развития прошло долгий и сложный путь к убежденности в том, что только посредством вооруженных акций можно в Турецкой империи добиться коренных изменений.

Уже в 1862 году сильно подействовали на поэта белградские события, героическая оборона города сербами. Жинзифов уже осознавал, что разрешение церковного вопроса связано с освобождением. В статье „Болгарский церковный вопрос“ (1862) поэт пишет: „Белградские события не могли не отозваться в Болгарии; возможность восстания болгар и завоевания ими политической независимости своей стала яснее представ-

ляться глазам болгарских патриотов, а с решением вопроса о независимости политической церковный вопрос решался сам собою.¹

До сих пор ошибочно, по нашему мнению, толковались взгляды Жинзифова; исследователи и историки литературы писали о его политических взглядах только как о просветительских и славянофильских. Александар Спасов правильно, однако, заметил, что такое толкование взглядов поэта ошибочно: „Навистина Р. Жинзифов“ — пишет Спасов — „не спаг'а во редот на оние тогашни национални и културни работници мег'у балканските словенски народи, кои непосредно зедоа учество во револуционерните борби против Османската империја, со оружје во рака, иако и нашиот поет искажувал намера да се приклучи во востаничките чети во Романија и Бугарија. Но, од друга страна, на поезијата на Р. Жинзифов, и покрај тоа, не и' останале туги повиците за непосредна, вооружена, револуционерна борба, особено во неговата поезија од подоцнежниот период.“²

Райко Жинзифов в России скоро познакомился с классической литературой и творчеством Лермонтова, Пушкина, Шевченко, Некрасова и др. Именно под воздействием идейных взглядов революционно-демократического направления в русской общественной мысли, под влиянием романа Чернышевского „Что делать?“, поэзии Тараса Шевченко и Н. А. Некрасова Жинзифов в стихотворении „Недопеяна песня“ приходит к выводу, что не молитвами и алтарными прожертвованиями —

Доста ми сълзи лихме, пролихме,
Тебе кланяйки, с' тебе молейки,

не развитием „без каких-либо потрясений и крови“, но только кровавыми битвами и организованной борьбой можно добиться свободы:

Нам не помагат с сълзи молитви,
Жъртви олтарни, поклони низки ...
Нам са потребни кървави битви,
Час на съдба ни мож' да е близки!³

1 Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, София 1964, том 1, с. 220. Жинзифов, напр., намеревался перевести книгу немецкого историка Леополда Ранке *Die serbische Revolution* (1829), которую перевел на русский язык П. И. Бартнев. В письме П. И. Бартневу от 13 июля 1862 г. Жинзифов писал: „Напишите мне, пожалуйста, Петр Иванович, есть ли в Библиотеке „История Сербии“ Ранке, переведенная Вами, мне хочется перевести ее.“ См. Ерихонов, Л. С.: *Р. Жинзифов и П. И. Бартнев*, Известия на Института за литература, кн. XVI, София 1965, с. 171.

² Спасов, А.: *Поезијата на Рајко Жинаифов*, „Трудови“, 1, бр. 1—2, Скопје 1960, с. 17—29. Своему другу П. И. Бартневу Жинзифов писал: „Если Вы читаете газеты, то, конечно, Вам известно, что в Болгарии готовится восстание и что Раковский уже выступил со своим отрядом на счет сербского правительства. Не придется ли нам бросить университет?“ ... Ерихонов, Л. С.: *Указ. соч.*, с. 172.

³ Разрядна моя — Й. Д. Не является ли одновременно ответом Гражданину из стихотворения Некрасова „Поэт и Гражданин“, который читает следующие стихи: „Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв.“ Некрасов, Н. А.: *Собрание сочинений в 8 томах*, том 1, Москва 1965, с. 165.

Роман Чернышевского „Что делать?“, вышедший в 1863 году в журн. „Современник“, наверно, помогает Жинзифову прийти к убеждению, что злота и горе, рабство и невежество не вечны.⁴ В романе выражена идея, что в 1885 году произойдет революция. Это вдохновляет, наверно, и Жинзифова, говорящего в своих стихотворениях о близком времени освобождения.

Нельзя согласиться с Б. Пеневым, что „Жинзифов стоит далеко от всяких революционных идей, что они (имеется в виду Д. Чинтулов, Г. С. Раковский и Р. Жинзифов) надеются только на покровительство России и ждут от нее спасения“.⁵ Таким способом замалчивать и обходить факты, нами уже отмеченные в поэзии Жинзифова — значит исказить действительную картину творчества поэта и его взглядов, выраженных в поэзии и статьях.

Поэзия Жинзифова с ясно революционными мотивами вполне соответствует целям и программе балканского прогрессивного направления, выражавшего свой бурный и беспокойный характер — стихийное, неуждержимое страстное желание к свободе. Поэзия Жинзифова находится в полном соответствии с литературой национально-освободительного движения, которое в половине 60-х годов все яснее и яснее определяет свое идейное содержание и своими политическими тенденциями резко выделяется из других литературных групп.

Неверным является также то, что говорит З. Здравева, будто „Жинзифов е бил далеч от революционната борба. Той се е движил само в рамките на публицистическата и книжовна дейност“.⁶ Против этого не критического толкования ясным и не двусмысленным языком говорит не только его „Недопояна песня“. Характерен и тот факт, что хотя стихотворение „Недопояна песня“ было написано 1-го января 1864 года, оно было опубли-

⁴ „Поднимайтесь из вашей труппы, друзья мои, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие!“ Чернышевский, Н. Г.: *Полное собрание сочинений в 15 томах*, том 9, Москва 1939—1953. Жинзифов следил за журналом „Современник“. Сведения о том имеем только с 1863 года, когда Жинзифов откликнулся на статью Н. В. Берга „Мои скитания по белу свету“, напечатанную в 1 и 2 книгах „Современника“ за 1863 год. В 1863 году вышел в „Современнике“ роман „Что делать?“ Чернышевского. Статья Жинзифова „Два слова по поводу статьи г. Николая Берга“ была опубликована в газете День, № 9, 1863 с подписью Южный славянин. Она, на наш взгляд, ошибочно вошла в *Публицистиката на Любен Каравелов* (1860—1869), София 1958, с. 103—108.

⁵ Пенев, Б.: *История на новата българска литература*, том 4, часть 1, София 1936, с. 243—244. На славянском съезде в Москве в мае месяце 1867 года Жинзифов в своей речи сказал: „Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора не далеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от многовекового тлжого ига!“ ... См. Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 2, София 1964, с. 201—202. См. также *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года*, Москва 1867, с. 371 и след.

⁶ Жинзифов, Р.: *Съчинения*, стъкмил З. Здравева, София 1927, с. 3. Другую оценку дает Хр. Зографов: „Тој чувствуваше трагична раздвоеност: не можеше да отиде таму, во огниште на вистинската борба, а не можеше и да си го прости тоа. Така до крајот на неговиот живот се провлекува таа безизлезна негова трагедија, потслушана и од неговата лична осаменост — осаменоста на 'скитник без рода', како што најчесто се нарекува тој во песните.“ См. Зографов, Хр.: *Рајко Жинзифов*, Литературен збор, год. 4, бр. 1, Скопје 1957, с. 1—16.

ковано четирийма годами позже в бухарестском болгарском журнале „Народность“. Это было время усиленной борьбы за окончательное разрешение церковного вопроса, период организации революционных комитетов и отрядов (четы), период стремления и подготовки к вооруженному восстанию.

В конце концов, Жинзифов ни в одной статье или стихотворении не выступает против идеи вооруженных восстаний, а наоборот. В одной своей статье с 1865 года, подписанной псевдонимом „Велешанин“, поэт пишет: „Пока народы Балканского полуострова волей-неволей терпеливо сносят турецкое иго, пока они сами не примут участия в деле освобождения“, нельзя ожидать никаких перемен.⁷

В 1864 году Жинзифов окончил историко-филологический факультет Московского университета с ученой степенью кандидата. Из его корреспонденции с М. Дриновым мы узнаем, что после окончания высшего образования у него было намерение вернуться на родину. Но он не мог возвратиться, так как для турецкого правительства был „опасным и нежелательным лицом“. В письме болгарским студентам в Праге и В. Д. Стоянову⁸ от 4-го ноября 1864 года он пишет: „... нема каде да се денам, като недавно ме известиха из Цариград, че Турското правителство гонит и ловит Българите които учат в Русско“.⁹ От това лесно е да разберете, че я се нахождам в лошава положение като не мога да се закачам за българска работа.“¹⁰

У Жинзифова был замысел работать на родине учителем, пробуждать, просвещать и организовать народ. И он был несчастлив, когда узнал, что вернуться на родину невозможно, если не хочет страдать в тюрьме.¹¹

Важно отметить, что Жинзифов во многих своих статьях, особенно после 1864 года (мы не будем из разбирать) подписывался всевозможными или только разными знаками. Из этого можно заключить, что идея возвратиться на родину и там действовать „с остро перо или остръ меч“ никогда не покидает Жинзифова. В письме М. Дринову от 24 мая 1868 года, написанном по-русски, он пишет: „Мы, то есть я и общий наш товарищ, не откажемся покинуть белокаменную и приехать ... в Кара Влашка (Румыния — примечание мое), чтобы вместе с тобой трудиться на пользу родины и рода нашего, ... разумеется, если и ты будешь тянуть лямку вместе с нами.“¹²

Райко Жинзифов уже отчетливо видит не только реальное положение, но и пути решения. Греки, румыны, сербы уже освободились от турок, остались только славяне в Болгарии и Македонии. И чтобы показать

⁷ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 196.

⁸ Ugras, Zd.: *Neznámé dopisy Rajka Zinzifova V. D. Stojanovi a jejich význam*, sb. Franku Wollmanovi k sedmdesátinám, Praha 1958, s. 258—267.

⁹ Разрядка моя — И. Д.

¹⁰ Ugras, Zd.: *Указ. соч.*, с. 261.

¹¹ Там же, с. 262: „Я не мога и дома да си вървам, ако ша да не лежам в Цареградските темници в заточение. Знайте, братя, че Турското правителство нас преследва систематически и се е решило с разни начини да не допусне ни едного из Българите които се учеле в Руско, особенно же тези из них, които искат да станат народни учители.“

¹² Дивеков, П.: *Македония в преписката на Марин Дринов*, Македонски преглед, 2, 1942, письмо 8.

волю народа, он обращается к недалекому прошлому — к народным восстаниям.

Поэт справедливо относится к основанному в 1867 году в эмиграции (Румыния) буржуазно-либеральному „Тайному центральному революционному комитету“, который выступил со своим „Мемоаром“ за турецко-болгарский дуализм.

В начале 1867 года появился „Привремен закон за народните горски чети за 1867 лето“ Г. С. Раковского с подробными указаниями гайдуцким четам, как действовать. Раковский определяет направление революционных действий в Болгарии и Македонии. Революционный комитет, основанный Л. Каравеловым в 1869 году, является продолжением стремлений Раковского.

О конкретном отношении Жинзифова к повстанческим действиям в 1867—1868 годах говорят его воодушевленные статьи и сообщения в русской печати о первых „кровавых стычках“ болгар с турками. Для Жинзифова это дело свидетельствует „о решимости болгар не сносить далее в молчании и смирении кровных обид и угнетений, причиняемых им турками“. И поэт радостно восклицает: „Не является ли это столкновение христиан с турками предвестием предстоящего болгарского восстания?“¹³

Автор „Кровавой рубашки“, „Недопояной песни“ и „Гуслера в соборе“ цитирует призывы болгарских газет против турецких угнетателей: „О, болгарский народ! Проснись и воспользуйся временем, которое ждет и зовет тебя!“¹⁴

Жинзифов осознал, что „нам ничего большего не остается, как только восстать“. Он постепенно перестает основывать свои позиции исключительно на ожидании освобождения со стороны России, хотя продолжает верить в нее. „Следовательно, встаньте и берите в руки, кто что только может: секиру, ружье, косу и с ними скажите раз навсегда — смерть или свобода!“ — такие слова цитирует поэт из болгарских газет в половине июня 1868 года.¹⁵

Поэт верил в силы народа и ежедневно убеждался в том, что народы на Балканах до тех пор не добьются свободы, пока они будут терпеть турецкое иго, „пока сами не примут участия в деле освобождения ...“

Помощь России Жинзифов понимал в том смысле, что Россия, русский народ, если узнает правду о „забытом народе на Балканах“, то поможет ему в политической борьбе ободряющими словами и больше всего материальными средствами, руководясь своим славянским сочувствием.

К середине 60-х годов XIX века в болгарском обществе уже являются два течения, две политические группировки — партия так называемых старых и движение „молодых“, стоящее на позициях национально-освободительной антифеодальной борьбы. „Молодые“ выражали интересы мелкой буржуазии и крестьянства и видели в низвержении турецкого господства единственный выход из тяжелой ситуации. Благодаря „молодым“ борьба за церковную самостоятельность приняла общенародный

¹³ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 2, с. 52.

¹⁴ Там же, с. 56.

¹⁵ Там же, с. 57.

характер. И среди „молодых“, однако, определились два течения: умеренное, просветительское, буржуазно-либеральное, и революционное течение, выражавшее стремление крестьянских масс, ремесленников и части мелкой торгово-промышленной буржуазии.

О своем отношении к этим политическим пруппировкам говорит сам Жинзифов в письме М. Дринову от 22 ноября 1868 года (во время формирования либерального и революционного течений среди „молодых“). Жинзифов именно в то время, когда появляются повстанческие „бунтовщические“ четы, выражает в письме свою уверенность в конечном разрешении церковного вопроса и в улучшение условий жизни народа: „Может бы в това време ще се изменят обстоятелствата к лучшему и нашето давнешно желание и стремление ще се осъществи“.

В письме он пишет, что „младите ... нравственно стоят повыше от старите ...“ В письме имеется тоже ценное доказательство того, что Жинзифов был действительно на подозрении у турецких властей и не мог работать на родине: „... ще ли останеш в Прага“ — пишет он Дринову — „или ще вървиш некаде си в друго царство, конечно не в Турско, защото тамо за нас са затворени сичките възможни и познати нам пътища“.¹⁶

Сообщая Дринову в том же письме о намерениях патриарха созвать всех православных независимых церквей, чтобы решить болгарский церковный вопрос, Жинзифов пишет: „Я же мислям, че този въпрос окончателно ще го решит само саблята,¹⁷ защото можеш ли ти да считаеш въпросът решен, когато ти гледаш, че искат да отделят само България, а Македония и Тракия пак да си останат по прежнему?“¹⁸

О том, что Жинзифов был убежден в возможности окончательного разрешения вопроса только саблём, борьбой, свидетельствует и его стихотворение „Отзив към певецът“ („Обращение к певцу“), написанное 17 июня 1869 года. Это стихотворение, к сожалению, при анализе творчества поэта-автора „Кривавой рубашки“ все до последних лет вообще не принималось во внимание.

В болгарском журнале „Дунавска зора“¹⁹ было опубликовано стихотворение „Рабът“ („Раб“) с подписью Поп..., в котором его автор призывает своих соотечественников к борьбе против турок.

Стихотворение Жинзифова „Отзив към певецът“ является восторженным откликом на стихи поэта, которые ему понравились своим революционным содержанием. Оно выражает признательность Жинзифова к поэту-революционеру, „молодому певцу“ нерадостного, скорбного голоса, к которому Жинзифов обращается своими стихами и в первой строфе заявляет, что он согласен с его призывом:

¹⁶ Динеков, П.: *Указ. соч.*, с. 52.

¹⁷ Разрядка моя — И. Д.

¹⁸ Динеков, П.: *Указ. соч.*, с. 52—84. Жинзифов информировал русских читателей „Славянской летописи“ о четах Хаджи Димитра и Стефана Караджи и подчеркнул политическую и революционную активность своего народа и в статье Нынешнее болгарское восстание. См. Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, София 1964, с. 326—333.

¹⁹ *Дунавска зора*, бр. 21, 1869, с. 111.

**Прочетох я песня ти, млади певец,
И чух я нерадостни, тъжен ти глас,
Узнах те по слогът, по бистро перо,
Яви се пред мене твое мрачно чело.**

Так, как „горячая душа молодого певца“ призывает к булату²⁰ и к восстанию против всех врагов и к отмщению за страдания, за черные дни народа, так призывает к булату и Жинзифов, который, отвечая на слова поэта, и теперь говорит:

**Булатът отдавна си викам и аз
И пак се придружвам при силен ти глас:
Стани же ти, остри булате, не спи,
В ръката на рабът грозно заблъсни
На десно, на лево, как мълния блъсени,
Ударай в сърдцата, режи и коли,
Нек вражската сила от нас с' удали,
Че много она кръв невинна изпи.**

Это прямой гимн восстанию, гимн вооруженной борьбе, песня о восставшем народе, призыв к народу, богатырю-булату, к изгнанию иноземцев:

**Стани же, булате, не спи там, но мсти,
Кървниците клетки протерай, гони
По поле л' широко, по гъсти л' гори,
Ти всегда преследвай и них сотри!**

**Мсти ти булате, пусни са на лет
За нашите рабски векове пет,
За дедовска слава, за вера, за чест,
За всичко излеј се народна ти мест.**

Жинзифов много раз говорил об участии народа в деле своего освобождения. Это его глубокое убеждение вытекало из любви и веры в здоровые силы народа. И совершенно естественно и понятно, что в стихотворении „Отзив към певецът“ ясно выступает на первый план народ:

**И ти разбуди се, златогриви лев,
Строши ти вериги, издай силен рев,
О, всегда раздай се народен ти гнев,
Кървници потерай, как стадо во хлев!**

Молодому, горячему поэту Жинзифов в последнем четверостишии советует продолжать в созидании революционных стихотворений:

²⁰ Булат — меч из азиатской узорочной стали. В сказках это прозвище богатырей.

А ти, о певец, горещи сълзи не лей,
 Но често и често ти нам песни пей,
 Че песня ти е остра, как остри булат,
 Че песня ти е грозна, как грозният млат!

Стихотворением „Отзвѣкъ къмъ певецъ“ Жинзифов достиг апогея своего поэтического творчества, выразил как можно более комплексно свои взгляды на окончательное освобождение подвластных туркам славян путем вооруженной борьбы. Здесь поэт выразил свое политическое кредо. Это ставит его в ряд представителей прогрессивных слоев, в строй деятелей прогрессивного направления. Димитр Митрев пишет о безграничной преданности поэта, который тем становится основоположником боевых и гражданских мотивов в македонской художественной поэзии.²¹

В первой половине 1868 года М. Дринов пригласил Жинзифова приехать вместе с Нешо Бончевым в Прагу. Их поездка в „золотую Прагу“ — как Жинзифов сам выразился — не могла осуществиться, так как Бончев не был „совсем здоров“. В ответе Дринову Райко Жинзифов отмечает, что „нея (т. е. Прага — примечание мое) аз ще успея да я видам до година“.²²

Известно, что празднование дня рождения Яна Гуса началось в первые дни сентября 1869 года. Интерес южных славян к празднованию был очень велик. Об этом говорят, напр., письма и телеграммы болгар, присланные в Гусинец. Жинзифов не смог (неизвестно по каким причинам) принять участие в празднике, но он справил от имени „болгар из Москвы“ телеграмму с пожеланиями „всевозможных успехов“ чешскому народу.²³

Болгарские деятели просвещения основали в конце сентября 1869 года в Браиле, Румыния, „Българско книжовно дружество“ („Болгарское литературное общество“). Его первым председателем был М. Дринов. На годичном собрании „Общества“ принял участие и Райко Жинзифов. В Браиле он договорился с попечителем Х. Д. Паничковым о напечатании „Крoвавой рубашки“. „Българско книжовно дружество“ издавало журнал „Периодическо списание“ (с 1870 года), в котором помещались статьи по историческим, литературным, церковным и другим вопросам, освещались вопросы народного поэтического творчества и т. д. В обращении Общества к читателям журнала говорилось о том, что „Българско книжовно дружество“ должно в течении времени „да се преобърне в действителна Българска Академия наук“.

В „Болгарском литературном обществе“ и в журнале большое участие

²¹ *Антологија на македонската лирика*, Београд 1951, с. 11—41.

²² Р. Жинзифов намеревался поехать в Чехию и принять участие в Гусинце по случаю празднования 500-летия со дня рождения Яна Гуса (1369—1415).

²³ *Národní listy*, IX, Praha 1869, čís. 245, s. 2; Urban, Zd.: *Указ. сочинение*. В письме М. Дринову от 16 июня 1869 г. Жинзифов писал: „Имам тврда намера, а ко до тогаш неумрам, да направам една опширна обиколка в 1870-та година и да ги видам Прага, Виена, Белград, Букурешт, Браила, Атина и Цариград ... со цел да си ја разрешам сам следната задача: може ли да се најде и има ли за мене тврдо место.“ Цит. по Жинзифов, Р.: *Одбрани творби*, приредил Г. Тодоровски, Скопје 1981, с. 647.

принимали Марин Дринов, Васил Друмев, В. Д. Стоянов, Нешо Бончев, Райко Жинзифов и др.²⁴

Борьба за болгарскую церковную самостоятельность была доведена до конечной стадии. В феврале месяце 1870 года турецкое правительство издало указ, которым разрешалось основание болгарской экзархии. Многолетняя, усиленная борьба была ознаменована успехом. Но Жинзифов относится к этому решению вопроса скептически и султанский ферман считает „квазирешением болгарского церковного вопроса“. Таким решением вопроса — по Жинзифову — турецкое правительство создавало новую проблему, а именно проблему церковной принадлежности славянского населения Фракии и Македонии, так как в болгарскую экзархию была из македонских областей (епархий) включена только велесская область. Жинзифов радовался назначению болгарского экзарха, но одновременно его тревожило то, что вопрос, за который он боролся так последовательно, не был решен окончательно. Для окончательного решения и урегулирования болгарского церковного вопроса — как Жинзифов правильно считал — нужно было еще упорядочить, переорганизовать турецкую область Македонии, в которой „славянская народность по численности значительно превышает всякую другую народность не славянскую“.²⁵

Райко Жинзифов был разочарован таким характером решения церковного вопроса, которому особенно в последнее десятилетие своей жизни посвятил всю свою деятельность в русской и болгарской периодической печати; поэт перестал верить в какое-нибудь серьезное его решение в будущем. Увидев, что борьба за самостоятельную церковь обострилась и патриотические чувства нельзя было полностью выразить в стихотворениях, Жинзифов, очевидно, бросил писать стихи и полностью отдался журналистической деятельности.

Глубоко разочарованный поэт отказался от всякой творческой деятельности (если не принимать во внимание стермление продолжать в русской печати освещение греко-болгарского вопроса и после опубликования турецкого указа) и вполне посвятил себя педагогической деятельности. „В настоящее время“ — пишет в 1871 году Николай Гербель в сборнике „Поэзия славян“ — „Жинзифов живет в Москве и занимает место преподавателя в Лицее Цесаревича Николая“. Необходимо подчеркнуть и то, что в антологии „Поэзия славян“ Жинзифов опубликовал статью о болгарской литературе и статьи о болгарских поэтах Г. Раковском, П. Славейкове, Л. Каравелове, Д. Чинтулове и о своей жизни и деятельности.

Революционеру Раковскому посвятил Жинзифов несколько статей, в которых писал о нем с любовью и уважением и создал в них действительный портрет Раковского. Жинзифов подчеркивал особенно его патриотизм. Писал о нем, что он принадлежит „к числу деятельнейших труженников и горячих патриотов, посвятивших всю свою жизнь на пользу отечества“. О политической газете „Дунайский лебедь“, издаваемой Раковским в Белграде, наш поэт писал, что это единственная болгарская

²⁴ Арнаудов, М.: *Българското книжовно дружество в Браила*, София 1966.

²⁵ Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, том 1, с. 241.

газета, „в которой помещались весьма замечательные статьи по разным вопросам, занимавшим в то время всех мыслящих болгар и очень дельно обсуждался церковный вопрос“.

В статье о Л. Каравелове в приведенном сборнике „Поэзия славян“ Райко Жинзифов подчеркнул идею Каравелова о том, „что славянские народы Балканского полуострова только тогда могут освободиться из-под турецкого ярма, когда между ними будет царствовать полное согласие“. Характеризуя газету „Свобода“, издаваемую Каравеловым, Жинзифов писал, что „она с замечательной настойчивостью проводит между болгарами мысль о поголовном восстании против турок для освобождения своей родины из-под турецкого ига“. Газету „Свобода“ защищал наш поэт также от русских властей и в статье о болгарской литературе, в которой заметил: „К сожалению, ввоз этой замечательной газеты в Россию, по причинам, о которых говорить здесь не место, с мая месяца 1870 года воспрещен, несмотря на то, что она весьма благоприятствует русским.“ В понимании путей к разрешению болгарского церковного вопроса Жинзифов был того же мнения, как и Каравелов. В конце шестидесятых годов прошлого столетия Жинзифов хорошо осознавал, что главной и основной задачей поработанных балканских славянских народов является политическое освобождение. Во время, когда Жинзифов писал свои статьи о болгарской литературе и болгарских поэтах, его симпатии были „безусловно на стороне партии революции“. Именно поэтому он писал с таким восхищением о Раковском и Каравелове и о прогрессивных газетах.

Через два месяца после мобилизации русской армии (29 октября 1876 г.) Жинзифов участвует в подготовке некоторых пособий, которые должны были послужить русским войскам на балканской территории Турецкой империи. Об этом сообщает поэт М. Дринову в письме от 7 декабря 1876 года, незадолго до своей смерти: „Времената са тежки и трудни (= временные — примечание мое)²⁶ сиреч искат да родат нещо ... От всекого из нас потребен е посилен труд, и поради това аз уже пристъпих да съставам, по приглашение на Ивана Сергеевич (И. С. Аксаков — примечание мое) „Дорожник по Македония“, или иначе, географическо-статистическо описание на Македония.“²⁷ Из этого же письма мы узнали, что Жинзифов участвовал также в составлении краткого русско-болгарского словаря, предназначенного для подобных целей, как и „Дорожник“.²⁸

В корреспонденции Нешо Бончева с М. Дриновым мы открыли интересную информацию о том, что Жинзифов намеревался вступить в повстанческие четы в Румынии и Болгарии. В связи с тем Александр Спасов пишет: „Овој податок фрла малку поинаква светлина на Жинзифовите разбарања во однос на начините и патиштата во борбата за националното осло-

²⁶ Разрядка Р. Жинзифова.

²⁷ Спасов, А.: *Райко Жинзифов, живот и книжецна дејност*, Скопје 1959, с. 15 (рукопись диссертации).

²⁸ Райко Жинзифов в письме И. И. Срезневскому от 17 (27) августа 1862 г. сообщает ему, что он „принял на себя труд составить краткий Болгаро-русский словарь ...“ См. *Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)*, Москва—Ленинград 1948, с. 44. См. также Спасов, А.: *Еден лексикографски обид на Райко Жинзифов* Годишен сборник на Филозовскиот факултет, кн. 21, Скопје 1969, с. 313—332.

бодување на Македонија и Бугарија. Или поправо, овој податок дава основа, заедно со некои песни на Жинзифова, да се согледа, во последните години од неговиот живот, сè поизразитото сфак'анье за потребата од непосредна оружена борба против Турците и извесно напуштање на позициите за просветителски акции и исклучиво очекување слободата да биде извојувана од страна на Русија“. Н. Бончев соопштава Дринову и следующее: „Пиши, до време чрез Ксенофонта, ако ли иде и той в планината с ишургентите, както ни плаши тука, тогава што да му отпиша.“²⁹

Райко Жинзифов, отдавший всю свою жизнь за лучшее будущее родной Македонии и Болгарии, не дождался счастья. Он знал, что не имеет никакого права на личное счастье, что он должен всецело пожертвовать собой во имя счастья своего народа. Но народ не увидел при жизни Жинзифова существенного улучшения своих жизненных обстоятельств. Поэтому и Жинзифов умер 15 февраля 1877 года несчастным. О нем могли бы мы повторить слова Адама Мицкевича, сказанные о Конраде Валленроде: „Он счастья не нашел, ибо несчастной была его отчизна“.

²⁹ Спасов, А.: *Поезијата на Рајко Жинзифов*, Трудови, 1, 1—2, Скопје 1960, с. 17—29.

